

А. Швейцер

Философия и движение в защиту животных*

В настоящей работе приводится перевод на русский язык текста Альберта Швейцера «Философия и движение в защиту животных» – «Philosophie und Tierschutzbewegung» (ок. 1950; возможно, 1936). В своей работе Швейцер рассматривает вопрос о должном отношении человека к окружающим его живым созданиям. При этом Швейцер проводит анализ истории становления подходов к ответу на обозначенный вопрос в ходе развития мировой (западной и восточной) этической мысли. В частности, Швейцер коротко рассматривает особенности отношения к окружающим живым существам в китайской и индийской этиках, этике раннего и современного христианства, европейской философии. В заключительной части работы Швейцер обращает внимание на неизбежность приближения общечеловеческой этики к принципам благоговения перед жизнью и любви ко всей жизни. Это приближение Швейцер определяет в качестве сложной задачи, стоящей перед современным (ему) человеческим обществом.

Ключевые слова: Альберт Швейцер, этика, ненасилие, ахимса, китайская философия, индийская философия, защита животных, благоговение перед жизнью

Движение в защиту животных не получило поддержки со стороны европейской философии. Она либо признает акт сострадания к живым существам¹ сентиментальностью, не имеющей ничего общего с рационалистической этикой, либо просто придает ему второстепенное значение. Для Декарта животные – всего лишь машины. Они не нуждаются в нашем сочувствии. Английский этик

* Перевод выполнен по изданию: Schweitzer A. Die Ehrfurcht vor dem Leben. Grundtexte aus fünf Jahrzehnten / Hrsg. von H.W. Bähr. München: C.H. Beck, 2013. S. 92–98. Авторское право на оригинальный текст: © Albert Schweitzer. Die Ehrfurcht vor dem Leben. Grundtexte aus fünf Jahrzehnten. München: Verlag C.H. Beck, 2020.

¹ Здесь и далее Швейцер использует слово «Geschöpfe», иногда заменяя его понятием «Kreatur» (создание, творение). Перевод приведен в соответствие с использованными в оригинальном тексте терминами. Здесь и далее все примечания в сносках сделаны переводчиками.

Иеремия Бентам (1748–1832)² расценивает добро по отношению к животным главным образом в качестве упражнения в доброте по отношению к людям. Подобным образом рассуждает и Кант. Он подчеркивает, что этика в действительности имеет дело только с обязанностями человека по отношению к человеку.

Европейская философия отстаивает эту фундаментальную позицию даже там, где она симпатизирует движению в защиту животных. Она не может решиться сделать главный шаг, признав нравственное отношение к животным требованием этики, точно таким же, как и нравственное отношение к человеку.

В китайской и индийской мысли ответственность человека по отношению к творению играет гораздо большую роль, чем в европейской.

Трогательными словами о жалости к животным говорит китайский философ Мэн-цзы (372–289), принадлежащий к школе Конфуция (552–479). Лецзы, из школы Лао-цзы (VI в. до н.э.), выражает убежденность, что сердце и ум животных не так уж отличаются от человеческих, как принято считать. Ян Чжу борется с предрассудками, что будто бы все существа живут только ради человека и его потребностей. Их существование имеет значение и ценность само по себе.

Сострадание к животным играет большую роль в Ганьин Пянь³ («Книге наград и наказаний») – китайском сборнике времен династии Сун, состоящем из 212 этических изречений. Сами эти изречения намного старше. В этом сборнике изречений, который до сих пор пользуется большим уважением китайского народа, выражается мысль о том, что «Небо» (т.е. Бог) дает жизнь всем существам. Поэтому, чтобы жить в гармонии с «Небом», мы должны по-доброму относиться ко всем созданиям. Ганьин Пянь осуждает радость от охоты как неблагородную (подлую). Трактат также причисляет растения к живым существам и требует не повреждать их без необходимости. Существует издание этого сборника, в котором каждое изречение о сострадании к животным объясняется при помощи некоторых историй.

В правилах даосских монашеских общин, к которым монахи привязаны по сей день, вменяется в обязанность доброе отношение ко всем живым существам. Например, не следует проливать кипящую воду на землю (почву), так как это может убить насекомых или причинить им вред.

Для индийской мысли принцип единства всего сущего – человеческого, животного и растительного – нечто само собой разумеющееся. По мнению брахманов, все отдельные души исходят из Мировой Души (Брахмы) и возвращаются к ней. Эта идея также встречается в учении о реинкарнации. Отношение человека к творениям определяется заповедью не-убийства и не-повреждения, обычно называемой заповедью ахимсы. Идея ахимсы, вероятно, не брахманского происхождения, потому как иначе остается необъяснимым, как брахманы могли придерживаться обычая приносить в жертву животных. Она могла возникнуть в кругах джайнистских монахов. Начало этой монашеской общины восходит, вероятно, к VIII в. до н.э.

² Здесь и далее все датировки в тексте, согласно оригиналу.

³ Кит. ориг. 感應篇 или 太上感應篇 (у Швейцера Kan-Ying-Pien) – знаменитый даосский трактат времен Сунской династии (960–1279 гг.).

В основе заповеди ахимсы, как ни странно, лежит не живая жалость к творению, а идея остаться чистым от мира. Заповедь ахимсы вытекает из общего принципа недеяния, который основан на индийском миро- и жизнеотрицании⁴ и который стремятся реализовать монахи через отречение от мира. Это этическая интерпретация данного принципа. Но как только заповедь не-убийства и не-повреждения получила признание, неизбежным стало то, что впоследствии она будет пониматься и излагаться исходя из мотивов сострадания. Это затем фактически происходит при Будде (ум. ок. 480 до н.э.).

Однако индийское сострадание к живому существу является неполным. Оно лишь предписывает воздержание от убийства и причинения вреда живым существам, но не требует активно помогать им. Это ограничение показывает, что идея ахимсы родилась не из живого сострадания, а изначально является примером этического применения принципа не-деяния, проистекающего из миро- и жизнеотрицания. Конечно, и в Индии сострадание не остается замкнутым в круге воздержания от действий. Но индийская этика, поскольку она находится под властью миро- и жизнеотрицания, не в состоянии требовать деятельного сострадания к живым существам.

Очень часто возникает вопрос: почему сострадание к творению не стало заповедью христианства, особенно потому, что иудейский закон уже содержит требования заботы о животных⁵. Объяснение этому следует искать в том, что раннее христианство живет в ожидании скорого конца света⁶ и поэтому считает неминуемым день, когда всякое творение будет избавлено от страданий. О тоске всего творения по скорейшему спасению говорит апостол Павел в 8 главе (стихи 18–24) Послания к Римлянам. В этих стихах выражается его глубокое сочувствие к творению. Поскольку конец земного мира с его страданиями и несчастьями видится таким близким, усилия по защите животных столь же мало принимаются во внимание, как и усилия по отмене рабства. Таким образом, становится ясно, почему христианская заповедь любви не требует явно сострадания к животным, хотя оно, по сути, содержится в ней.

Каждый всесторонне мыслящий человек не может обойтись без того, чтобы любя человека, не любить и творение. Поскольку мы более не ожидаем спасения творения от страданий в скором конце света, мы вынуждены, благодаря открытому Христом и живущему в наших сердцах и мыслях закону любви, дать волю нашему естественному чувству сострадания к живым существам, и насколько это возможно, помочь им и избавить их от страданий.

Таким образом, мы, европейцы и потомки европейцев, хотя европейская философская мысль и не вела нас по этому пути, пришли к тому, чтобы обратить

⁴ Подробнее об этом см. в книге А. Швейцера «Философия индийских мыслителей. Мистика и этика» (Die weltanschauung der indischen Denker. Mystik und Ethik). Первое издание – 1935 г. На русский язык книга переведена Ю.В. Дубровиным (М.: Алетея, 2002. 288 с.).

⁵ См. например, Втор. 25:4.

⁶ Подробнее о представлениях Швейцера об эсхатологическом характере раннего христианства можно найти в его многочисленных теологических работах, таких, например, как «Христианство и мировые религии» (Das Christentum und die Weltreligionen) – первое издание – 1924 г., переведена на русский язык А.Л. Чернявским (см., напр., в кн. А. Швейцер. Жизнь и мысли. М.; СПб.: ЦГИ, 2018. С. 188–222).

внимание на вопрос о нашем отношении к живым существам и ответственности за них и поставить требование любви к животным в один ряд с любовью к человеку.

Мы охотно признаем, что в китайском и индийском мышлении вопрос о человеке и творении возник раньше, чем в нашем, и что китайская и индийская этика основательно закрепляют обязанности и ответственность человека по отношению к животным. В то же время мы верим и можем заключить, что то, что мы сегодня словом и делом предпринимает для утверждения ответственности человека по отношению к живым существам, также имеет свое значение и может дать предложения китайской и индийской этике.

Дело не в том, что китайская и индийская этика действительно решают проблему взаимоотношения человека и творения. То, что они предлагают в этом свете, является частичным и не может быть удовлетворительным. Великое в китайской этике заключается в том, что она отражает естественное и деятельное сострадание к живым существам. Но она далека от того, чтобы полностью решить вопрос о человеке и творении. Она также не смогла воспитать народ быть действительно добрым к живым существам. Китайская мысль застыло слишком рано. Она застыла в схоластике и остановилась на том, чтобы рассказать о любви древних мыслителей к живым существам, вместо того чтобы развивать ее дальше.

Индийская этика неудовлетворительна в том, что она говорит о человеке и создании, поскольку она требует только страдающего не-убийства и не-причинения вреда, но не страдающей помощи. Серьезная проблема: может ли человек избежать убийства и причинения вреда – не поднимается и не решается в ней. Это дает человеку иллюзию того, что он может оставаться свободным от убийства и причинения вреда живым существам и тем самым исполнять заповедь ахимсы. Она не в состоянии научить его ощутить всю тяжесть его ответственности перед живыми существами.

Философия хочет представить этику как упорядоченную систему обязанностей и заповедей, которые могут быть выполнены. Но как только мы каким-то образом признаем принцип любви, даже если мы ограничиваем его только человеческими существами, мы фактически достигаем этики безграничной ответственности и долга. Любовь не может быть регламентирована. Она командует абсолютно. Каждый из нас должен сам для себя решить, как далеко он может зайти в исполнении безграничной заповеди любви, не отказываясь от своего собственного бытия, и что он должен пожертвовать от своей жизни для жизни и счастья других.

То, что этика перестает быть регламентированной через признание принципа любви, может быть скрыто до тех пор, пока она существует только в любви к людям. Но если признать, что принцип любви должен распространяться на все создания, то можно понять, что область этики безгранична. Нельзя больше игнорировать того, что по причине своей безграничности она налагает на нас безграничную ответственность и безграничные обязанности.

Поскольку распространение принципа любви на живые существа означает революцию для этики, философия выступает против этого шага. Она хотела бы сохранить этику, которая предписывает человеку четкие, разумные заповеди,

не преувеличенные требования к его поведению по отношению к другим людям и обществу.

Любой, кто серьезно задумывается над вопросом о сострадании к животным, знает, что проповедовать такое сострадание довольно легко, но чрезвычайно сложно установить правила действий для отдельных случаев. Речь идет не только о том, когда бытие или благополучие живого существа может быть принесено в жертву существованию и нуждам человека, но и о том, какое решение мы должны принять, когда существование или благополучие одного живого существа должно быть принесено в жертву существованию или благополучию другого. Каким образом можно оправдать то, что для того, чтобы поддержать бедных брошенных птенцов, мы ловим насекомых и даем их им в пищу? По какому принципу мы решаемся пожертвовать множеством других существ, чтобы сохранить одно?

Этика, которая хочет научить нас благоговению перед всей жизнью и любви ко всей жизни, должна в то же самое время безжалостно открыть нам глаза на то, как часто мы нуждаемся в том, чтобы уничтожить жизнь и причинить ей вред, и в какие серьезные конфликты мы постоянно вступаем, если осмеливаемся остановить себя бездумьем.

Поскольку она инстинктивно чувствует, с какими трудностями сталкивается этика, когда она провозглашает заповедь любви ко всем существам, европейская философия стремилась до настоящего времени придерживаться положения, что этика имеет дело только с поведением человека по отношению к ближнему и человеческому обществу и что любовь к живым существам в каком-то смысле означает надстройку над существующей этикой. Она не может принять полностью того, что это входит в противоречие с нашими естественными чувствами. Но она предпочитает смириться с этим, нежели принять решение – взять на себя серьезный риск этически безграничных обязанностей и безграничной ответственности.

Но она (европейская философия. – С.Г.) защищает уже утерянную позицию. Мышление не может избежать этики благоговения перед жизнью и любви ко всей жизни. Ему придется отказаться от старой ограниченной этики и признать безграничное. С другой стороны, те, кто выступает за требование любви ко всем живым существам, должны четко осознавать, насколько сложны проблемы безграничной этики, и должны быть полны решимости не скрывать от человека те конфликты, которые эта этика ему открывает, а позволить ему действительно их пережить (курсив мой. – С.Г.).

Задуматься об этике любви ко всем существам в деталях – это сложная задача, стоящая перед нашим временем.

Перевод с немецкого С.С. Горбунова, Н.П. Пугачевой

Список литературы

Швейцер А. Философия индийских мыслителей. Мистика и этика / Пер. с нем. Ю.В. Дубровин. М.: Алетейа, 2002. 288 с.

Швейцер А. Христианство и мировые религии / Пер с нем А.Л. Чернявский // *Швейцер А.* Жизнь и мысли. М.; СПб.: ЦГИ, 2018. С. 188–222.

Philosophy and Animal Welfare Movement

Albert Schweitzer

(Translated from German into Russian by Svyatoslav S. Gorbunov, Natalya P. Pugacheva)

This work provides a Russian translation of Albert Schweitzer's "Philosophy and Animal Welfare Movement" (*Philosophie und Tierschutzbewegung*, c. 1950, possibly 1936). There, Schweitzer considers the issue of the man's proper attitude to the living beings around. At the same time, he analyzes the history of the formation of different approaches to the issue in the course of the development of western and eastern ethical thought. In particular, he examines briefly the attitude towards living beings in Chinese and Indian ethics, the ethics of early and modern Christianity, and European philosophy. Finally, Schweitzer highlights the inevitability of the convergence between universal human ethics and the principles of reverence for life and love for all life. In this convergence, he sees a complex task facing contemporary society.

Keywords: Albert Schweitzer, ethics, nonviolence, ahimsa, Chinese philosophy, Indian philosophy, animal ethics, reverence for life

References

Schweitzer, A. *Filosofiya indiiskikh myslitelei. Mistika i ehtika* [Indian Thought and Its Development], transl. from German by Y.V. Dubrovin. Moscow: Aleteia Publ., 2002. 288 pp. (In Russian)

Schweitzer, A. "Khristianstvo i mirovye religii" [Christianity and the Religions of the World], transl. from German by A.L. Chernyavski, in: A. Schweitzer, *Zhizn' i mysli* [Out of My Life and Thought: An Autobiography]. Moscow; S.-Petersburg: CGI Publ., 2018, pp. 188–222. (In Russian)